

УДК 343.22 (470+571)(091)

UDC 343.22 (470+571)(091)

12.00.00 Юридические науки

Legal sciences

К ПОСТАНОВКЕ ВОПРОСА ОБ УГОЛОВНОЙ ОТВЕТСТВЕННОСТИ ЮРИДИЧЕСКИХ ЛИЦ В УГОЛОВНОМ ПРАВЕ РОССИИ (ИСТОРИЧЕСКИЙ АСПЕКТ)

TO THE QUESTION ABOUT CRIMINAL LIABILITY OF LEGAL PERSONS IN CRIMINAL LAW OF RUSSIA (HISTORICAL ASPECT)

Кондратов Михаил Алексеевич
доцент кафедры уголовного права

Kondrathov Michael Alekseevich
associate professor of the chair of Criminal law

Медведев Сергей Сергеевич
к.ю.н., доцент кафедры уголовного права
Кубанский государственный аграрный университет, Краснодар, Россия

Medvedev Sergey Sergeevich
Cand.Leg.Sci., associate professor of the chair of Criminal law
Kuban State Agrarian University, Krasnodar, Russia

Статья посвящена истории становления уголовной ответственности юридических лиц в законодательстве России. Авторами обосновывается необходимость более детального анализа концепции уголовно-правового закрепления юридического лица как субъекта преступления в уголовном праве России современного периода. Для обоснования данных новелл уголовного права, авторами приводятся в пример ряд законодательных положений российского правового пространства в плоскости ретроспективного анализа предыдущих период нормотворчества и законодательного процесса. Авторы исследовали уголовное отражение юридических лиц в периоде времени до двадцатого века. Работа содержит ссылки на многие точки зрения ведущих ученых в исследуемой области, на разных этапах развития государства. Представленная для публикации статья является первой из цикла статей, которые авторы намерены опубликовать в будущем. Историческое наследие в памятниках российского права является отправной точкой для исследования постепенного процесса усложнения и усовершенствования анализируемого института. Актуальность представленной на обозрение темы предопределяет вектор политики государства в сфере процесса глобализации юридического пространства. Современное российское уголовное право, как считают авторы, должно содержать в себе признание юридического лица как субъекта преступления

The article is devoted to the history of establishing criminal liability of legal persons in the Russian legislation. The author justifies the need for a more detailed analysis of the concept of criminal law fixing a legal person as the subject of crime in criminal law of Russia the modern period. To substantiate these stories of criminal law, the authors cite as an example a number of legislative provisions of the Russian legal space in the plane of a retrospective analysis of the previous period of rulemaking and legislative process. The authors investigated the criminal reflection of legal entities in the period of time until the twentieth century. Work includes links to many of the views of leading scientists in the study area, at different stages of development of the state. This submitted for publication article is the first of a series of articles, the authors intend to publish in the future. Historical heritage monuments in Russian law are the starting point for the study of a gradual process complexity and improve analyses Institute. Relevance of the themes on display determines the vector of state policy in the field of globalization of the legal space. Modern Russian criminal law, according to the author, must contain a declaration of the legal person as the perpetrator

Ключевые слова: ЮРИДИЧЕСКОЕ ЛИЦО КАК СУБЪЕКТ ПРЕСТУПЛЕНИЯ; КРИМИНОЛОГИЧЕСКАЯ ОБОСНОВАННОСТЬ КРИМИНАЛИЗАЦИИ ЮРИДИЧЕСКИХ ЛИЦ В РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ; ИСТОРИЧЕСКИЙ АСПЕКТ УГОЛОВНО-ПРАВОВОГО ОФОРМЛЕНИЯ ЮРИДИЧЕСКИХ ЛИЦ В КАЧЕСТВЕ СУБЪЕКТОВ ПРЕСТУПНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ

Keywords: LEGAL PERSON AS SUBJECT OF THE OFFENSE, CRIMINOLOGICAL JUSTIFICATION FOR CRIMINALIZATION OF LEGAL PERSONS IN THE RUSSIAN FEDERATION; HISTORICAL ASPECT OF THE CRIMINAL LEGAL REGISTRATION OF LEGAL PERSONS AS SUBJECTS OF CRIMINAL ACTIVITY

В истории русского уголовного права и его теории первые признаки внимания к вопросу уголовной ответственности юридических лиц появляются во второй половине XIX в [1]. Ранее теоретических исследований по этому вопросу практически не проводилось.

На наш взгляд, это было обусловлено общим уровнем развития уголовно-правовой теории. Как известно, наука уголовного права в качестве самостоятельной области в общей теоретической системе юриспруденции в России появляется только в начале XIX в.[2], а «наивысшего подъема и расцвета дореволюционная российская уголовно-правовая наука достигает в последней трети XIX в. - начале XX в.»[3], хотя уже римскому праву были известны прообразы юридического лица и именно в нём встречаются первые попытки придать ему статус субъекта права[1].

Вероятно, негативную роль, вплоть до конца XIX в. в отношении юридического лица играла так называемая «фикционная» теория, отрицающая индивидуальность юридического лица, и подобные им[4]. Своего рода классически-негативное отношение к юридическому лицу можно увидеть у Н.М. Коркунова: «Их цели - те же людские интересы, только общие для определенной группы людей, их деятельность - деятельность людей, считающихся их членами или представителями, их воля - опять-таки воля этих же самых отдельных личностей... Это не более чем особый технический прием, упрощающий определение взаимных отношений заинтересованных при этом людей... Понятие юридического лица играет как бы роль скобок; однородные интересы известной группы лиц мы заключаем в понятие юридического лица и затем определяем отношение этой коллективной личности к другим»[5].

Эти концепции были обусловлены, по нашему мнению, двумя обстоятельствами: слабой потребностью в концентрации крупных

капиталов вплоть до XIX в.[6], когда для экономической деятельности в подавляющем большинстве случаев было достаточно индивидуально созданного капитала, неотделимого, что важно подчеркнуть, от личности «сколотившего» его владельца, и господством «юридического натурализма», понимавшего субъект права как исключительно реально существующий и осязаемый в мире, имеющий, что немаловажно, собственную волю.

В условиях уходящего «юридического натурализма» и с развитием финансовой капитализации на смену теориям, отрицающим индивидуальность юридического лица, приходят противоположные им теории, и само понятие медленно начинает проникать в гражданское и торговое законодательство.

Следствием этих процессов явилось оживление дискуссии о наказуемости юридических лиц, хотя на протяжении последних десятилетий существования дореволюционной русской уголовно-правовой теории она отрицала такую возможность, оставаясь верна концепции фикционности юридического лица в ее уголовно-правовом варианте [1].

Содержание концепции применительно к уголовному праву состояла в отрицании способности юридического лица действовать самостоятельно, волевым образом, сознательно, обдуманно и виновно. Это отрицание предполагало, что «...корпорации, учреждения и т.п., без сомнения, суть не что иное, как отвлеченные образы; личность же, им приписываемая, есть только произведение юристов...»[7].

По словам Н.С. Таганцева, «преступление предполагает в деятеле способность действовать сознательно и самостоятельно, а ни того, ни другого условия мы не встретим в фикации юридического лица»[8]. Отрицая способность юридических лиц совершать преступления, теория уголовного права упоминала и о наказуемых деяниях, которые они совершить не в состоянии (например, изнасилование, истребление плода,

кровосмешение), и об ограниченности гипотетически применимых в данной ситуации карательных санкций, и о невозможности появления корпорации в уголовном процессе, используя это как дополнительные доводы *contra* [1].

Вместе с тем в науке уголовного права встречались и иные точки зрения, и, что примечательно, одним из первых еще в начале XIX в. выступил в пользу признания уголовной ответственности юридических лиц (в достаточно своеобразном, правда, понимании) известный русский криминалист Г.И. Солнцев. Он писал: «Само собою разумеется, что не отвлеченное слово «общество» впадает в преступление, но частные члены, какое-либо общество совокупно яко нравственное лицо составляющие; рассуждая о сих членах, как единое нравственное лицо составляющих, и говорится, что такое-то общество... нарушило такое-то законоположение и, следовательно, впало в преступление». Г.И. Солнцев подводил под понятие преступления юридического лица фактически деятельность отдельных составивших его индивидов, совершивших преступление «не для правомерной своей общественной цели, но для особого от сей цели уклонения и им интересного намерения...»[1]. Таким образом, сохраняя уголовную ответственность для лиц физических, он полагал возможным прилагать понятие «преступление» к юридическому лицу в переносном, общеупотребительном смысле.

При этом в дореволюционном русском законодательстве имелся ряд норм, связанных, если говорить в общем, с наложением уголовных санкций на объединения физических лиц, не обладавших статусом юридического лица вследствие совершения ими, либо же в их пользу, преступных деяний. В частности, еврейское общество подлежало взысканию штрафа на сумму до трехсот рублей за укрывательство бежавшего со службы военнослужащего (ст. 530 Уложения о наказаниях уголовных и исправительных 1845 г.), а община, вторично отпустившая

неработоспособное лицо испрашивать милостыню, подлежало взысканию штрафа в сумме пять рублей за каждого человека (ст. 985 того же Уложения) [3]. Н.С. Таганцев отрицательно относился к таким нормам, считая их не оправдываемыми никакими рациональными соображениями [12].

После 1917 г. и до конца 1980-х годов в советском уголовном праве вопрос об уголовной ответственности юридических лиц решался отрицательно, и какой-либо значимой дискуссии по этой проблематике не наблюдалось (что вполне объясняется доминированием «государственных», скажем так, юридических лиц на протяжении практически всего советского периода российской истории). А.Н. Трайнин (если опустить делаемые им традиционные и необходимые для работ советского периода ссылки на реакционность соответствующих норм «буржуазного» уголовного законодательства, использующихся для борьбы с объединениями рабочих и коммунистическими партиями) обосновывал непризнание уголовной ответственности юридических лиц вполне традиционно: их неспособностью действовать умышленно, и вменяемо и подлежать наказанию[1].

Оживление дискуссии о возможности уголовной ответственности юридических лиц происходит в российской науке в начале 1990-х гг.[14], и в проектах нового уголовного кодекса, разработанных в 1993 - 1994 гг., содержались положения, устанавливающие такую ответственность [3]. В частности, ст. 106 проекта 1994 г. предполагала, что юридическое лицо может быть привлечено к ответственности в трех случаях: а) неисполнение или ненадлежащее исполнение закона, устанавливающего обязанность или запрет на осуществление определенной деятельности; б) осуществление деятельности, не соответствующей учредительным документам или объявленной цели; в) совершение преступного деяния в интересах

юридического лица либо его допущение, санкционирование, одобрение, использование органом или лицом, осуществляющим функции управления юридическим лицом. В основе всех этих трех случаев, как можно судить из заключительных слов последнего из них, должна была лежать, по мысли составителей проекта, так называемая «теория отождествления» [1]. Сущность теории отождествления сводится к тому, что тот, кто контролирует деятельность корпорации, для целей уголовного права в своих действиях (бездействии) признается воплощающим саму корпорацию, так что последняя становится уголовно ответственной за его преступное поведение. При этом сфера применимости теории отождествления практически не ограничена по кругу преступлений, а на ее основе корпорация может быть осуждена и как исполнитель преступления, и как соучастник в его совершении. В число видов наказаний, применяемых к юридическим лицам, были включены штраф, запрет заниматься определенной деятельностью, ликвидация юридического лица.

Ведущим прецедентом применительно к теории отождествления, появившейся в английском праве в середине 1940-х гг., можно считать дело Теско Супермаркете Лтд., разрешенное в 1971 г. Палатой лордов. Согласно обстоятельствам дела компания была осуждена за нарушение закона, запрещающего и объявляющего преступным продажу товара по цене выше, чем обозначена на нем. Как явствовало из доказательств, соответствующие действия были совершены ассистентом продавца в одном из магазинов, который нарушил инструкции менеджера, тогда как последний не проследил за ним.

Палата лордов не согласилась с осуждением корпорации, сочтя, что менеджер отдельного магазина не может рассматриваться как достаточно высокое лицо в корпорации, чтобы его действия можно отождествлять с действиями последней: «Живое лицо обладает разумом, в котором может наличествовать знание или намерение, или небрежность, и оно обладает

руками для выполнения своих намерений. У корпорации ничего этого нет: она должна действовать через живых лиц, хотя не всегда одних и тех же. Как следствие, лицо, которое действует, не говорит и не действует за компанию: оно действует как компания, а его разум, который направляет его действия, является разумом компании. Оно является воплощением компании или, как можно сказать, оно слышит и говорит через облик компании в пределах принадлежащих ему полномочий, и его разум является разумом компании. Если это виновный разум, тогда такая виновность является виновностью компании?»[16].

По нашему мнению, возможности применения теории отождествления узки поскольку связаны исключительно с деятельностью высшего менеджмента, тогда как часто преступные действия совершаются на более низких уровнях руководства; как следствие, чем крупнее корпорация, тем больше у нее шансов избежать уголовного преследования. Кроме того, формальная структура корпорации часто скрывает реальный центр управления; в таких случаях высший менеджмент, на действиях которого основывается теория отождествления, не более чем «невиновная ширма».

Однако при принятии Уголовного кодекса РФ в 1996 г. соответствующие положения были исключены из его окончательного текста. В качестве своеобразной «уступки» законодателя идеям наказуемости юридических лиц (или «испытательного полигона») в действующем российском праве можно рассматривать административную ответственность. В Кодексе РФ об административных правонарушениях 2001 г. соответствующие положения впервые нашли признание в Общей части Кодекса. Конструкция виновности юридического лица в совершении административного правонарушения, закрепленная ч. 2 ст. 2.1 КоАП РФ (юридическое лицо признается виновным, если будет установлено, что у него имелась возможность для соблюдения правил и норм... но данным лицом не были приняты все зависящие от него меры по их соблюдению),

именуется «объективистской», или «поведенческой», концепцией[17]и во многом совпадает с теорией «прошлой виновности», обсуждаемой в доктрине стран общего права [1].

В соответствии с этой концепцией для привлечения юридического лица к ответственности необходимо доказать лишь причинную обусловленность прошлыми действиями (бездействием) юридического лица совершенного им деликта. Эта причинность *defacto* носит неограниченный во времени и цепочке связей характер, и может, по сути, сводиться к субститутивной ответственности, когда ответственность юридического лица будет предопределена его упущением в предоставлении работы неподходящему для нее человеку. Эта же причинность сдвигает акцент в анализе совершенного с события правонарушения на анализ предшествовавших ему действий (бездействия) юридического лица. Так, для примера можно указать следующее: привлекая юридическое лицо к ответственности за привлечение к трудовой деятельности в России иностранного гражданина при отсутствии у последнего разрешения на работу, арбитражный суд следующим образом обосновал наличие вины в действиях юридического лица: «Вина ООО «Мещера-Лес» заключается в том, что, совершая при осуществлении предпринимательской деятельности действия, связанные с привлечением к трудовой деятельности в Российской Федерации иностранного гражданина или лица без гражданства, общество могло и должно было знать условия совершения таких действий. Каких-либо обстоятельств, препятствующих выполнению обществом своих обязанностей по соблюдению действующего законодательства, судом не установлено»[19]. При этом санкции административного права по своей суровости приближаются к уголовно-правовым (штраф устанавливается для юридических лиц по общему правилу в размере до 6 млн. рублей - ч. 1 ст. 3.5 КоАП РФ); очевидна и несправедливость привлечения за одно и то же деяние

физического лица к уголовной, а юридического - только к административной ответственности (например, при осуществлении предпринимательской деятельности без специального разрешения (лицензии) - ст. 171 УК РФ, ст. 14.1 КоАП РФ) [1]. Кроме того, по справедливому замечанию Л. Иванова, «юридические лица, обвиняемые в совершении формально административного правонарушения, попадают в ситуацию субъектов неких гибридных правоотношений, при которых наказание им может грозить фактически уголовное, а выяснение всех обстоятельств дела и его разрешение осуществляются по упрощенным административным процедурам. Вряд ли такое положение можно признать соответствующим принципам правового государства»[1].

Изложенные выше мнения и отмеченные обстоятельства дают основание к дальнейшему углубленному изучению вопроса об уголовной ответственности юридических лиц.

Литература:

1. [http:// www.kubsau.ru/upload/iblok/f0e/f0e875ea65bcb05652008](http://www.kubsau.ru/upload/iblok/f0e/f0e875ea65bcb05652008).
2. Уголовное право России. Общая часть: Учебник / Под ред. Н.М. Кропачева, Б.В. Волженкина, В.В. Орехова. СПб., 2006. С. 166 - 171; Фельдштейн Г.С. Главные течения в истории науки уголовного права в России / Под ред. и с предисл. В.А. Томсинова. М., 2003. С. 6 - 9;
3. [http:// gpp.nashaucheba.ru/doks/index – 7484.html](http://gpp.nashaucheba.ru/doks/index-7484.html).
4. Братусь С.Н. Юридические лица в советском гражданском праве (понятие, виды, государственные юридические лица). М., 1947. С. 35 - 40.
5. [http:// dlib.rsl.ru/rsl01004000000/rsl01004171000/rsl01004171000](http://dlib.rsl.ru/rsl01004000000/rsl01004171000/rsl01004171000).
6. Коркунов Н.М. Лекции по общей теории права / Предисл. И.Ю. Козлихина. СПб., 2004. 2-е изд. С. 185 – 186.
7. Гражданское право: Учебник / Отв. ред. Е.А. Суханов. Т. 1: Общая часть. С. 210 - 212.
8. Бернер А.Ф. Учебник уголовного права. Части Общая и Особенная. С примечаниями, приложениями и дополнениями по истории русского права и законодательству положительному Н. Неклюдова. СПб., 1865. Т. I. Часть Общая. С. 339. / www.lawlibrary.ru
9. Таганцев Н.С. Русское уголовное право. Т.2. Тула.: Автограф. С. 237.
10. Таганцев Н.С. Русское уголовное право. Т. 3. Тула.: Автограф. С. 286.
11. Солнцев Г. Российское уголовное право. По изд. 1820 г. / Под ред. и с вступ. статьей Г.С. Фельдштейна. Ярославль, 1907. С. 73. / www.lawlibrary.ru

12. Уложение о наказаниях уголовных и исправительных. Издание 1885 г. Свод законов Российской Империи. Том XV // Свод законов Российской Империи. Издание неофициальное / Под ред. и с прим. И.Д. Мордухай-Болтовского: В 5 кн. СПб., 1912. Кн. 5. / www.lawlibrary.ru
13. <http://In1.com.ua/book/8842/2652>.
14. Наумов А.В. Уголовный закон в период перехода к рыночной экономике // Советское государство и право. 1991. № 2. С. 35; Наумов А.В. Предприятие на скамье подсудимых? // Советская юстиция. 1992. № 17 - 18. С. 3; Келина С.Г. Уголовная ответственность юридических лиц в проекте нового УК Российской Федерации // Уголовное право: новые идеи / Отв. ред. С.Г. Келина, А.В. Наумов. М., 1994. С. 50 - 60; Никифоров А.С. Об уголовной ответственности юридических лиц // Уголовное право: новые идеи / Отв. ред. С.Г. Келина, А.В. Наумов. М., 1994. С. 43 - 49.
15. Уголовный кодекс Российской Федерации (общая часть). Проект. М., 1994. С. 56 - 57.
16. Tesco Supermarkets Ltd. v. Natrass, [1972] A. C. 153, 170 (per Lord Reid)) / www.lawUK.com
17. Панова И.В. Еще раз о двух тенденциях, разрушающих целостность института административной ответственности / ЭПС КонсультантПлюс; Вестник Высшего Арбитражного Суда Российской Федерации. 2007. № 8; Трубин Е.М. Вина юридического лица. «Заметки об административной ответственности» / ЭПС Консультант Плюс.
18. Fisse V. The Attribution of Criminal Liability to Corporations: A Statutory Model // The Sydney Law Review. 1991. Vol. 13. N 3. P. 277 - 297; Lederman E. Models for Imposing Corporate Criminal Liability: From Adaptation and Imitation Toward Aggregation and the Search for Self-Identity // Buffalo Criminal Law Review. 2000. Vol. 4. N 1. P. 677 - 708;
19. Решение Арбитражного суда Рязанской области от 27 февраля 2009 г. по делу N А54-5205/2008 // <http://www.arbitr.ru/bras>
20. Иванов Л. Об уголовной ответственности юридических лиц // Уголовное право. 2011. № 3. С. 35.

References

1. <http://www.kubsau.ru/upload/iblok/f0e/f0e875ea65bcb05652008>.
2. Уголовное право России. Общехая часть: Учебник / Под ред. N.M. Kropacheva, B.V. Volzhenkina, V.V. Orehova. SPb., 2006. S. 166 - 171; Fel'dshtejn G.S. Glavnye techenija v istorii nauki ugovnogo prava v Rossii / Pod red. i s predisl. V.A. Tomsinova. M., 2003. S. 6 - 9;
3. <http://rpp.nashaucheba.ru/doks/index-7484.html>.
4. Bratus' S.N. Juridicheskie lica v sovetskom grazhdanskom prave (ponjatie, vidy, gosudarstvennye juridicheskie lica). M., 1947. S. 35 - 40.
5. <http://dlib.rsl.ru/rsl01004000000/rsl01004171000/rsl01004171000>.
6. Korkunov N.M. Lekcii po obshhej teorii prava / Predisl. I.Ju. Kozlihina. SPb., 2004. 2-e izd. S. 185 - 186.
7. Grazhdanskoe pravo: Uchebnik / Отв. ред. E.A. Suhanov. T. 1: Obshhaja chast'. S. 210 - 212.
8. Berner A.F. Uchebnik ugovnogo prava. Chasti Obshhaja i Osobennaja. S primechanijami, prilozhenijami i dopolnenijami po istorii russkogo prava i zakonodatel'stvu polozhitel'nomu N. Nekljudova. SPb., 1865. T. I. Chast' Obshhaja. S. 339. / www.lawlibrary.ru
9. Tagancev N.S. Russkoe ugovnoe pravo. T.2. Tula.: Avtograf. S. 237.

10. Tagancev N.S. Russkoe ugovnoe pravo. T. 3. Tula.: Avtograf. S. 286.
11. Solncev G. Rossijskoe ugovnoe pravo. Po izd. 1820 g. / Pod red. i s vstup. stat'ej G.S. Fel'dshtejna. Jaroslavl', 1907. S. 73. / www.lawlibrary.ru
12. Ulozhenie o nakazaniyah ugovnyh i ispravitel'nyh. Izdanie 1885 g. Svod zakonov Rossijskoj Imperii. Tom XV // Svod zakonov Rossijskoj Imperii. Izdanie neoficial'noe / Pod red. i s prim. I.D. Morduhaj-Boltovskogo: V 5 kn. SPb., 1912. Kn. 5. / www.lawlibrary.ru
13. [http:// In1.com.ua/book/8842/2652](http://In1.com.ua/book/8842/2652).
14. Naumov A.V. Ugolovnyj zakon v period perehoda k rynochnoj jekonomike // Sovetskoe gosudarstvo i pravo. 1991. № 2. S. 35; Naumov A.V. Predpriyatie na skam'e podsudimyh? // Sovetskaja justicija. 1992. № 17 - 18. S. 3; Kelina S.G. Ugolovnaja otvetstvennost' juridicheskich lic v proekte novogo UK Rossijskoj Federacii // Ugolovnoe pravo: novye idei / Otv. red. S.G. Kelina, A.V. Naumov. M., 1994. S. 50 - 60; Nikiforov A.S. Ob ugovnoj otvetstvennosti juridicheskich lic // Ugolovnoe pravo: novye idei / Otv. red. S.G. Kelina, A.V. Naumov. M., 1994. S. 43 - 49.
15. Ugolovnyj kodeks Rossijskoj Federacii (obshhaja chast'). Proekt. M., 1994. S. 56 - 57.
16. Tesco Supermarkets Ltd. v. Natrass, [1972] A. C. 153, 170 (per Lord Reid)) / www.lawUK.com
17. Panova I.V. Eshhe raz o dvuh tendencijah, razrushajushhih celostnost' instituta administrativnoj otvetstvennosti / JePS Konsul'tantPljus; Vestnik Vysshego Arbitrazhnogo Suda Rossijskoj Federacii. 2007. № 8; Trubin E.M. Vina juridicheskogo lica. «Zametki ob administrativnoj otvetstvennosti» / JePS Konsul'tant Pljus.
18. Fisse B. The Attribution of Criminal Liability to Corporations: A Statutory Model // The Sydney Law Review. 1991. Vol. 13. N 3. P. 277 - 297; Lederman E. Models for Imposing Corporate Criminal Liability: From Adaptation and Imitation Toward Aggregation and the Search for Self-Identity // Buffalo Criminal Law Review. 2000. Vol. 4. N 1. P. 677 - 708;
19. Reshenie Arbitrazhnogo suda Rjazanskoj oblasti ot 27 fevralja 2009 g. po delu N A54-5205/2008 // <http://www.arbitr.ru/bras>
20. Ivanov L. Ob ugovnoj otvetstvennosti juridicheskich lic // Ugolovnoe pravo. 2011. № 3. S. 35.